

**ВСТРЕЧА
С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ**

СМЕХ — ЕЩЕ НЕ ЮМОР

Едва раздается его голос, даже за кадром — «Ну, заяц, погоди!» — и мы сразу его узнаем. Анатолий Папанов. И хотя талант артиста как бы самой природой предназначен для юмора и сатиры, он с не меньшим успехом сыграл героические образы — Сергея Тюленина в спектакле «Молодая гвардия», Дубинского в «Белорусском вокзале», генерала Серпилина в фильме «Живые и мертвые».

Наш корреспондент встретился с народным артистом СССР **А. ПАПАНОВЫМ.**

— Обычно зрители интересуются, как я стал артистом. С этого и начну, а дальше уж вы сами задавайте вопросы, — начал Анатолий Дмитриевич нашу беседу. — Родился в Москве. Детство прошло на Усачевке, где теперь Комсомольский проспект, а прежде это была окраина города. В здешних прудах мальчишки в то время ловили карасей, а зимой, когда они замерзали, катались на коньках. В школе у меня появились новые увлечения. Записался в драматический кружок. Правда, участвовать в спектаклях не пришлось, но зато разучил много стихов.

Первым местом работы стали ремонтные мастерские шарикоподшипникового завода, а в драматическом коллективе завода «Каучук» началось приобщение к сцене.

В 1940 году мне исполнилось 18 лет, и я надел военную форму. Через год началась Отечественная война, но участвовать в ней пришлось недолго. На Юго-Западном фронте получил тяжелое ранение в ногу. Была осень 1942 года. Государственный институт театрального искусства объявил набор на актерский факультет, и я подал туда документы. «А сможешь?» — спросил меня Михаил Михайлович Тарханов, который был художественным руководителем института, окинув проницательным взглядом. «Смогу», — твердо ответил я и как бы в подтверждение своей уверенности оторвал от пола палку, на которую опирался... «Ну тогда смелей!» — подобрал меня знаменитый артист. Его приветливость и доброжелательство открыли мне. Я горячо взялся за учебу.

— Вашей первой настоящей ролью был Сергей Тюленин в театре Клайпеды. Какое значение имела эта работа для вашей дальнейшей творческой жизни?

— Выходя тогда на сцену, я меньше всего думал о каких-то технических приемах игры. Все шло изнутри, от сердца и вытекало с неистовым темпераментом. Сергей был близок мне, ведь мы принадлежали к одному поколению. Я думал: окажись я на его месте — поступил бы так же.

Работа над образом Тюленина открыла мне глаза на содержание и значение моей профессии. Я понял, что современный актер обязан иметь свою гражданскую позицию.

— Рассказывают: однажды вы шли по улице, и вдруг идущий навстречу молоденький лейтенант, увидев вас, откозырял. Он увидел вас за генерала Серпилина...

— Помню, когда меня пригласили на эту роль, я в первый момент ступешался: «Какой я генерал? Я — комик!». А потом подумал и согласился, тем более что из 27 претендентов на эту роль выбор пал все-таки на меня. Видимо, во мне «говорил» опыт участия в войне.

В образе Серпилина как бы сконцентрировались лучшие черты русского характера — большая душевная щедрость при внешней суровости, безграничная любовь к своей Родине, готовность отдать за нее жизнь. Мне роман Симонова близок во всех отношениях. Все в нем до боли знакомо и понятно. Ошибаются те, кто думает, что можно воссоздать жизнь умозрительным путем. Ее надо знать самому, иначе зрители не поверят.

— Был ли прототип у вашего Серпилина, как у писателя, ког-

да он писал роман «Живые и мертвые»?

— Разумеется. Иначе и быть не может. Создавая характер, артист всегда исходит из конкретных впечатлений, лепит образ из черточек, подмеченных в жизни. Был у меня, когда я служил в армии, еще до фронта, командир. Умный и дальновидный человек. На учениях по тактике он немилосердно гонял нас, что называется, «до седьмого пота». Был к каждому из нас беспощадно требователен. А мы все же искренне любили и уважали его за честность и справедливость, за чуткость. Вот этот командир и стоял у меня перед глазами, когда я готовил роль генерала Серпилина. Конечно, в основу этого образа легли и черты других людей, подмеченные мною в годы войны.

— В вашем «послужном» списке есть образ, который имеет самое непосредственное отношение к читателям нашей газеты. Я имею в виду фильм «День приема по личным вопросам», где вы снимались в образе управляющего строительным трестом. Можно ли считать этот образ своего рода Серпилиным мирных будней — примером того, каким надлежит быть командиру сегодняшнего производства?

— Да, здесь в какой-то мере продолжается серпилинская тема. Сближает эти образы их партийная сердцевина. Герою фильма «День приема по личным вопросам» не приходится, как Серпилину, жертвовать для других жизнью, но своим трудом, вниманием к человеку он тоже показывает пример беззаветного служения народу и государству. И неудивительно, что, играя управляющего трестом, я испытывал чувства, близкие к тем, которыми жил в фильме «Живые и мертвые».

— Но все-таки чаще вам приходится играть сатирические роли?

— Хотя я работаю в Театре сатиры, но мы вовсе не стремимся ставить то, что непременно вызывает смех. Это значило бы ограничивать себя. Конечно, каждому человеку и, следовательно, персонажу свойствен юмор. Задача артиста в том и состоит, чтобы в любом, даже самом трагическом образе находить юмористические черточки. Именно это делает его живым, человечным.

Обращаясь к юмору, я прежде всего исхожу из того, что публике сейчас особенно привлекает яркий человеческий характер. Содержание и нацеленность личности. Проявить это, придать этому естественность, индивидуальность как раз и позволяет юмор. В то же время, если «сесть», как говорится, на один юмор, образ станет плоским и примитивным.

Юмор должен логически вытекать из существа персонажа, помогать раскрытию мысли, темы всего произведения. Тогда он уместен. Когда же актер специально выжимает комедийные ситуации, чтобы только вызвать смех и обратить на себя внимание, — это, по моему, недостойно...

— Но ведь смеяться, право, не грешно...

— Смеяться можно по-разному. Смех может быть осмысленный, а бывает и глупый, такой, который Аркадий Райкин называл смехом «от щекотки». Актеры дают друг другу пощечины и пинают в зад, обливаются холодной водой. Над этим тоже можно гоготать, но это не делает чести ни зрителю, ни актеру, который прибегает к таким приемам вместо того, чтобы не просто сместить зрителей, а воспитывать их, преподавать им уроки жизни, помогать становиться лучше, духовно богаче.

— Мы все время говорим о вашей жизни в кино и театре. И ни слова о личной...

— А она нечуживая. Плохо, если рядом с вами не единомышленники, а люди, чуждые пониманию вашего труда, его специфики. Тогда в душе возникает пустота и руки опускаются. Мы с женой и дочерью Леной — дружный коллектив, с общими творческими устремлениями.

И. ОКУНЕВ.